

Падая, Се Синьцянь первым делом успел подумать: «До чего же у Ли Вэньсю жесткие джинсы!»

А следом накрыла боль.

Нос — место чуткое, а тут удар пришелся аккурат в металлическую молнию на ширинке. Ощущение было такое, будто в лицо прилетел тяжелый кулак. В носу мгновенно зажгло, глаза застлала едкая слеза, и Синьцянь с трудом запрокинул голову, сдерживая подступающие слезы.

Виновник же этой катастрофы, вместо того чтобы замолчать, продолжал подливать масла в огонь. Мало ему было ехидных подколов, он еще и вцепился Синьцяню в рукав, пытаясь поднять и назойливо причитая:

— Ну как так-то? Ты чего такой неловкий, на ровном месте спотыкаешься?

Не успел Синьцянь толком поднять голову, как от рывка Гу Синье снова потерял равновесие. И опять ткнулся носом в то же самое место.

В нос выстрелила острая боль, а сверху раздался сдавленный выдох Ли Вэньсю.

— Гу Синье! — едва не плача от досады, рявкнул Се Синьцянь. — Отпусти меня!

— Да ладно тебе, бро, чего ты со мной церемонишься? — Гу Синье с искренним энтузиазмом подхватил его под мышки и попытался поднять. — Ты глянь, ты же учителя Ли так напугал, что он аж обомлел! Кроме меня, тебе и положиться-то не на кого.

— Если бы ты не лез со своей помощью, вообще ничего бы не произошло! — яростно огрызнулся Синьцянь.

— Ну не скажи, споткнулся-то ты сам. — Гу Синье изо всех сил тянул его вверх, но с изумлением обнаружил, что Се Синьцянь почему-то не встает.

Парень озадаченно почесал затылок:

— Ты чего? Решил на учителя Ли до вечера полежать?

Се Синьцянь, чье тело в этот момент изогнулось дугой в форме буквы «U», лишь зубами заскрипел:

— Ты мне хотя бы ногами до пола дать достать...

До Гу Синье наконец дошло.

— Ой, прости, закрутился, — смущенно пробормотал он и резко разжал пальцы.

К счастью, на этот раз Ли Вэньсю успел подхватить Синьцяня, спасши его от очередного близкого знакомства со своей ширинкой.

Горячие ладони мужчины крепко сжали плечи юноши. Мир качнулся, и Синьцянь оказался повернут вокруг своей оси, наконец-то чувствуя под ногами твердую землю.

Он медленно и с облегчением выдохнул.

Ли Вэньсю тут же убрал руки и негромко произнес:

— Порядок.

Затем подхватил плед, набросил его на плечи Синьцяня и внимательно осмотрел юношу:

— Ничего не ушиб?

— Спасибо, все цело, — Се Синьцянь скинул плед и, развернувшись, чеканным шагом пошел на Гу Синье.

Сдвинутые брови, ледяной взгляд и развешивающийся подол белого платья делали его похожим на мстительного духа, явившегося за чужой душой.

Гу Синье попятился, испуганно сглотнув:

— Ты... ты чего задумал?

Синьцянь остановился перед ним и процедил с холодной ухмылкой:

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты — ходячая машина Руба Голдберга?

— Машина кого? — Гу Синье недоуменно хлопал ресницами. — Это ещё что за штука?

Се Синьцянь молчал, но Ли Вэньсю спокойным тоном пояснил за него:

— Чрезвычайно громоздкая и сложная конструкция, выполняющая простейшее действие

самым извилистым путем.

Гу Синъе завис на пару секунд, после чего расплылся в довольной улыбке, приняв это за комплимент:

— Ой, да ну, скажешь тоже! Мне всегда говорят, что я неуклюжий, а ты первый, кто оценил мою точность и сравнил с механизмом!

Се Синьцянь: «...»

Полученный «комплимент» настолько воодушевил Гу Синъе, что, даже будучи выставленным за дверь, он не потерял расположения духа. Вернувшись к себе, он первым делом выложил хвастливый пост в соцсеть.

[@Гу Синъе: Заходил сегодня к @Се Синьцянь. Он сказал, что я точен и совершенен, как машина Руба Голдберга! 🤖🤖]

Он предвкушал восхищение, пока не прочел комментарии.

[Комментарий: Нет, ну это финиш. Гу Синъе не выходит из образа дурачка ни на минуту.]

[Гу Синъе: Не смейте называть меня дурачком! Сам Се Синьцянь признал мою механическую точность!]

[Комментарий: Бро, а ты не думал, что это был ни разу не комплимент?..]

[Гу Синъе: Хех, а что еще это по-вашему? Ругань?]

[Комментарий: Машина Руба Голдберга — в словаре Вебстера это «устройство, выполняющее чрезвычайно простые задачи самым запутанным и нерациональным способом». Обычно такие штуки выглядят абсурдно и комично. А если он назвал тебя ХОДЯЧЕЙ машиной... Ну, ты подумай. Поразмысли на досуге...]

[Гу Синъе: Это что же выходит? Он намекнул, что вся моя жизнь — абсурдный цирк?!]

В соседнем номере Се Синьцянь молча поставил лайк под этим комментарием.

Если задуматься, с момента их знакомства с Гу Синъе любое их пересечение неизменно заканчивалось балаганом. Все началось еще на читке сценария «Лицемерный вид», потом из-за него Синьцянь попал на банкет Управления, а теперь вот — эта нелепейшая сцена в номере...

Может, у Гу Синье сверхспособность такая — сеять вокруг себя хаос и неразбериху? Но при чем тут тогда его пафосная боевая коса?

Загадка. Однако Се Синьцяннь твердо решил: от этого ходячего бедствия нужно держаться как можно дальше.

Каково же было его удивление, когда ближе к вечеру Гу Синье набрался дерзости и написал ему как ни в чем не бывало.

[Гу Синье: Когда у тебя следующая сцена?]

[Се Синьцяннь:?]

[Гу Синье: Приду, посмотрю на твою игру, наберусь опыта.]

[Се Синьцяннь: Отказываю.]

[Гу Синье:....]

[Гу Синье:??? Ты чего взъелся? Я по делу вообще-то! Мне для этого фильма минимум половину саундтреков писать! Если я не увижу живую эмоцию на площадке, как писать-то? Пальцем в небо тыкать? Музыка — это душа кино! Если фильм не возьмет премию только из-за того, что подкачал саундтрек, у тебя совесть заночует, а?]

[Се Синьцяннь: Возможно.]

[Гу Синье: Вот именно!!! Так что колись, где и во сколько снимаете!!!]

[Се Синьцяннь: И все же я против.]

[Гу Синье:.....]

Телефон тут же разразился звонком. Синьцяннь сбросил вызов и без колебаний отправил назойливого композитора в черный список.

На очереди была постельная сцена с Ли Вэньсю. Если пустить туда Гу Синье, съемки гарантированно превратятся в катастрофу.

Пусть эта «машина Руба Голдберга» даже не мечтает глазеть на их интимные сцены!

Да и с чего он взял, что для написания музыки обязательно торчать на площадке? Ван Хэлоу прекрасно справлялся со своей работой и без постоянных визитов на съемочную площадку.

Желая окончательно обезопасить себя, Синьцянь написал режиссёру Ро Юаньцзе, мягко попросив освободить площадку от посторонних.

Ро Юаньцзе ответил мгновенно:

[Само собой. Кроме съемочной группы, в помещении никого не будет.]

[Се Синьцянь: Позвольте уточнить: Гу Синье ведь не входит в число жизненно необходимых сотрудников?]

[Ро Юаньцзе: Нет, разумеется.]

[Се Синьцянь: Огромное спасибо, режиссер!]

[Ро Юаньцзе: Не за что. Ты так переживаешь — неужели уже настроился на нужный лад?]

[Се Синьцянь: Пока в процессе...]

Режиссер добавил пару ободряющих слов, посоветовал не зажиматься и напомнил, что в крайнем случае всегда можно сделать несколько дублей.

Синьцянь вежливо поблагодарил его, но про себя решил: нужно выложиться на максимум и снять всё с первого раза.

Странное дело: в обычных сценах они с Ли Вэньсю понимали друг друга с полуслова, но стоило делу дойти до проявления нежности, как между ними возникала неловкость. На прошлых съемках поцелуй пришлось переснимать трижды. Если и с постельной сценой выйдет та же история...

От одной мысли об этом становилось не по себе.

Однако рассчитывать на идеальный результат без предварительной репетиции было верхом наивности. Вот только сама мысль о прогоне в пустом номере, один на один с Ли Вэньсю, заставляла щеки гореть от смущения.

Тупик. Репетировать неловко, делать дубли — еще неловко.

Выбор стоял простой: пересилить себя прямо сейчас или позориться завтра на площадке?

Поколебавшись, Синьцянь смалодушничал. Он решил не идти к Ли Вэньсю. Вдруг повезет и все получится само собой?

Но судьба распорядилась иначе. Не успел он принять решение, как Ли Вэньсю сам появился на его пороге.

На следующий день за обедом в отельном ресторане Ли Вэньсю присел за его столик с подносом.

— Как нос? — небрежно поинтересовался он.

— Уже лучше, — ответил Синьцянь.

— Тогда, может, прогоним вечером сцену?

Сердце Синьцяня пропустило удар. Пальцы сильнее сжали вилку.

— Какую именно?

— Постельную, — Ли Вэньсю отправил в рот запеченный томат.

—...Это обязательно? — пробормотал Синьцянь.

— Не то чтобы, — пожал плечами старший, проявляя удивительную уступчивость. — Если тебе некомфортно, можем сыграть с ходу.

Синьцянь перевел дух:

— Тогда, может, сразу на площадке?

Ли Вэньсю вытер губы салфеткой и тихо усмехнулся.

Синьцяня этот смех застал врасплох:

— Что смешного?

— Сколько дней ты отдыхал? — спросил Ли Вэньсю.

— Четыре.

— И насколько, по-твоему, ты сейчас готов войти в образ?

Синьцянь онемел.

Вот она, главная проблема. После долгого перерыва включиться в сложную эмоциональную сцену с первой секунды почти невозможно.

— Впрочем, можно и без репетиций, — Ли Вэньсю поднялся из-за стола. — Завтра сцена небольшая, сделаем десяток дублей, ничего страшного.

Синьцянь кивнул, хотя про себя твердо решил: он сделает все, чтобы снять сцену с первого раза.

Желая довести игру до идеала, накануне вечером он заперся у себя и трижды мысленно проиграл весь эпизод, оттачивая каждую реплику и каждый жест.

Обычно Синьцянь полагался на интуицию и актерский дар, но сейчас старался как никогда. Даже лежа в постели после душа, он продолжал крутить в голове детали будущей сцены.

«Все ведь просто, — подбадривал он себя. — Сначала так, потом этак... А потом...»

И на этом «потом» мысленный сценарий застопорился.

Спустя мгновение Синьцянь откинул одеяло, бросил взгляд вниз и замер.

В эту теплую южную ночь юный, здоровый восемнадцатилетний парень на собственной шкуре узнал, что такое чистый зов плоти.

Он немедленно свернулся калачиком под одеялом, чувствуя, как уши застилает густая краска.

После того поцелуя на берегу в день праздника Циси отношения Бай Цзинняня и Тан Фэна развивались сами собой.

Они целовались при каждом удобном случае, узнавали тела друг друга, делились сокровенными тайнами... Они были неразлучны, как любые влюбленные, но оставалась грань, которую они до сих пор не переступили.

Между ними существовал негласный уговор.

Оба понимали: стоит сделать этот последний шаг, и путь назад, в привычный мир обычных людей, будет отрезан навсегда.

Наступила середина августа.

В тот день они вернулись с пляжа уставшими после долгого плавания. Бай Цзиннянь едва дошел до кровати и упал ничком на покрывало. На нем были лишь свободные купальные шорты; они сползли на бедра, обнажив аккуратные ямочки на пояснице. Длинные, светлые ноги казались совсем хрупкими, а пальцы на ступнях розовели от холодной воды.

Тан Фэн некоторое время молча смотрел на него от двери, затем подошел, сел на край матраса и, приподняв лицо юноши за подбородок, вовлек его в долгий, сладостный поцелуй.

Все происходило само собой, естественным чередом. Но когда дело дошло до решающего момента, Бай Цзиннянь вдруг панически испугался и резко толкнул Тан Фэна в грудь.

Тот замер. В его глазах проскользнула сложная гамма чувств.

Бай Цзиннянь опустил взгляд, не смея встретиться с ним взором.

Время словно остановилось.

Спустя пару мгновений Тан Фэн молча поднялся, подхватил с пола свои брюки и направился к выходу.

Лишь когда за ним едва не захлопнулась дверь, Цзиннянь осознал, что натворил. Он сорвался с места, догнал его и прижал к дверному косяку, отчаянно впившись в его губы.

Но Тан Фэн больше не отвечал на поцелуй. Он лишь холодно смотрел на него сверху вниз.

Всегда столь мягкий и заботливый, сейчас он казался абсолютно чужим человеком.

У Цзинняня сжалось сердце. Больше всего на свете он боялся именно этого взгляда — пристального, оценивающего, словно скальпель хирурга, вскрывающий грудную клетку и добирающийся до самого незащищенного органа.

Бай Цзиннянь обвил руками шею Тан Фэна, целуя его и шепча с мольбой:

— Пожалуйста... скажи хоть что-нибудь. Не молчи...

Тан Фэн обнял его за талию.

Цзиннянь с надеждой поднял глаза, но встретил лишь все тот же отстраненный взор.

— Ты пожалел? — ровным тоном спросил Тан Фэн, но от этих слов Цзиннянь едва не задохнулся от отчаяния.

Он хотел закричать, что это не так.

Хотел признаться, что каждую ночь сгорает от жажды быть ближе.

Хотел сказать, что любит его сильнее всего на свете.

Но вместо этого Бай Цзиннянь просто стоял, молча моля о прощении, и в его глазах плескалась бескрайняя тоска.

Не уходи.

Подойди, поцелуй меня, брось на кровать, подчини своей воле.

Будь жестким — и я соглашусь на все.

Только не заставляй меня выбирать.

Ты же знаешь, чего я боюсь.

Он бежал из дома в поисках себя, а нашел лишь собственное ничтожество — натуру, жаждущую покориться мужчине, готовую идти на любые ухищрения ради чужого внимания.

Шепотки за спиной, разочарованные взгляды родителей, ярлык «режиссера-гомосексуала», наклеенный критиками... Грязь внешнего мира настигнет его, стоит только покинуть этот благословенный остров Вэйхай.

И единственной опорой против этого хаоса была любовь Тан Фэна.

А теперь он не уверен даже в ней.

Бай Цзиннянь взгляделся в лицо любимого, и голос его дрогнул:

— А ты? Ты... пожалел?

Пожалел, что тот, кого он полюбил, оказался таким трусом? Что под маской смелости скрывается лишь перепуганный мальчишка?

Тан Фэн молчал. Он лишь медленно опустил веки, а затем задал вопрос, казалось бы, совершенно не относящийся к делу:

— Знаешь, когда я в тебя влюбился?

Бай Цзиннянь запнулся:

— На Циси?..

— Нет.

— Когда писал мой портрет?

Тан Фэн снова качнул головой.

Сердце Цзиннянь ухнуло в пропасть, но он попытался сохранить наигранную легкость:

— И когда же?

— В нашу первую встречу, — тихо произнес Тан Фэн. — С той самой секунды, когда ты вырос передо мной под проливным дождем, я уже принадлежал тебе.

Цзиннянь широко раскрыл глаза, забыв как дышать.

В первую встречу? Как такое возможно? Так рано?

Он не верил собственным ушам, но душа жаждала этой правды. Спустя вечность он переспросил шёпотом:

— Это... правда?

Тан Фэн посмотрел ему прямо в глаза:

— Абсолютная.

Всего два слова — и страхи, мучившие Цзиннянь, развеялись без следа. Их сменило теплое,

невесомое чувство, подступившее к самому горлу. Он моргнул, и по щекам потекли слезы.

Тан Фэн нагнулся, бережно слизнул слезинку с его кожи и с тихой виной проговорил:

— Я всё боялся... думал, тебе некомфортно со мной, что ты пересиливаешь себя...

— Нет! Все не так! — Цзиннянь закрутил головой, сбивчиво перебивая его. — Я тоже люблю тебя! Я давно в тебя влюблен!

— Тогда почему ты отстранился? — Тан Фэн мягко коснулся его подбородка. — Тебе неприятны мои прикосновения?

— Нет, мне очень нравится! Я просто... я испугался, — Цзиннянь дрожал в его руках, словно застигнутый бурей теленок. — Я испугался того, что будет, когда мы вернемся... До встречи с тобой я и помыслить не мог, что способен...

Опасное слово потонуло в нежном поцелуе.

За окном буйствовала пурпурная бугенвиллея, залитая полуденным солнцем. Они обнимались, целовались, отстранялись лишь на миг — чтобы вновь прижаться лбом к лобу, ощущая дыхание друг друга.

Спустя долгое время Тан Фэн положил ладонь ему на затылок и прошептал:

— Я знаю. Я все понимаю, и я сам...

— Теперь и я понимаю, — сглотнув слезы, Цзиннянь приподнялся на цыпочках и снова поцеловал его.

Он и помыслить не мог, что реальность окажется настолько прекрасной, похожей на сон.

Оказывается, Тан Фэн переживал те же чувства, так же сомневался и искал ответы.

Пусть впереди тысячи сложностей, но пока их сердца бьются в унисон, этого достаточно.

По крайней мере сейчас он всем сердцем жаждал отдаться этому мужчине.

Бай Цзиннянь опустил взгляд и, вспыхнув румянцем, коснулся ладонью чужого жара.

В этот обычный летний день двое нерешительных людей наконец сделали шаг навстречу друг

другу.

Солнечные лучи скользили по их переплетенным телам, рисуя силуэты, подобные песчаным дюнам, колышущимся на ветру.

А за окном морской прибой накатывал на берег, оставляя на песке широкую полосу белоснежной пены.

Се Синьцянъ даже не заметил, когда Ро Юаньцзе скомандовал «Стоп!».

Очнулся он только тогда, когда осознал, что в комнате остались лишь они с Ли Вэньсю.

Синьцянъ мгновенно выскользнул из объятий партнера, натянул на себя плед и спросил с некоторой натянутостью:

— Все, снято?

— Угу, — Ли Вэньсю кивнул. Голос его звучал непривычно сипло. — Группу я попросил выйти.

Синьцянъ порывался встать и одеться, но едва шевельнулся, как понял, что подняться прямо сейчас не сможет. Пришлось остаться на кровати.

Только теперь до него дошло, почему Ро Юаньцзе так деликатно увел всех сотрудников: никому не хотелось оказаться в неловком положении.

Се Синьцянъ лежал немного, пытаясь успокоить дыхание и мысли, но возбуждение упорно не желало спадать.

— Ты в ванную не собираешься? — донесся до него голос Ли Вэньсю.

В их съемочном номере имелся полноценный, работающий санзуел.

Ли Вэньсю спросил абсолютно обыденным тоном, но Синьцянъ от неожиданности едва не подпрыгнул:

— В... ванную? Зачем?

Ли Вэньсю скользнул взглядом по бугру под простыней и выразительно изогнул бровь.

Щеки Синьцяня вспыхнули. Он тут же поджал колени, сворачиваясь в узел и пытаясь сохранить лицо:

— Мне... мне не нужно.

— Ну, тогда я пойду. — Постель рядом зашуршала.

Синьцянь округлил глаза. Неужели Ли Вэньсю и впрямь отправится туда прямо сейчас?!

Он повернул голову и обомлел: старший уже поднялся и, пользуясь отсутствием съемочной группы, без тени смущения проследовал в туалетную комнату.

Синьцянь лежал на кровати, но невольно прислушивался к звукам за дверью.

Чтобы не чувствовать себя последним извращенцем, он заставил себя встать, оделся и подошел к окну. Ему казалось, свежий морской бриз поможет привести мысли в порядок.

Но прямо за окном простирался пляж. Волны с шумом накатывали на песок, оставляя шапки белоснежной пены.

Се Синьцянь: «...»

Он перевел взгляд на сад, надеясь, что строгая красота цветущих магнолий отвлечет его. Увы, магнолии уже отцвели, на ветках висели плоды, а форма у этих плодов была... более чем двусмысленной.

Се Синьцянь: «.....»

Ладно! Надобно подумать о чем-то приземленном. Например, о меню на ужин. Тут-то никакой подвох не грозит?

И тут в памяти всплыл недавний разговор, когда Ли Вэньсю с загадочной ухмылкой спрашивал, любит ли он гуидака.

Се Синьцянь: «.....»

Да что за проклятье?! Почему кругом одни фаллические ассоциации?! Он всего лишь хочет вернуть самообладание!

Когда Ли Вэньсю вышел, Синьцянь все еще сидел на краю кровати, натянутый как струна. Одежду-то он надел, но поза оставалась предельно скованной.

— Ты как? — По сравнению с взвинченным Синьцянем, Ли Вэньсю выглядел свежим и отдохнувшим. Он уже успел надеть серые спортивные брюки и натягивал футболку.

Синьцянь на миг замер, сообразив, о чем речь, после чего поджал губы:

— Ещё нет...

Ему стало до того обидно — прошло же минут пятнадцать! Он и на море смотрел, и на цветы, и про ужин думал — так почему ничего не происходит?!

Ли Вэньсю оценил его мучения и мягко посоветовал:

— Может, всё-таки сходишь в ванную?

Синьцянь колебался. Показываться в таком виде перед съемочной группой не хотелось категорически. Поразмыслив, он счел совет разумным.

К подобным вещам он привык не был, а осознание того, что за дверью стоит Ли Вэньсю, лишь добавляло неловкости. Процесс затянулся: пришлось долго настраиваться.

Минут через десять Ли Вэньсю постучал в дверь, передав, что режиссер хочет отснять пару дублей для крупных планов.

— Не могу... — Синьцянь был готов разрыдаться от бессилия. — Я не понимаю... почему ничего не получается...

— А ты хоть знаешь, что с этим делать? — донесся из-за двери смешливый голос Ли Вэньсю.

Синьцянь почувствовал себя задетым за живое и тут же вылил досаду:

— Разумеется, знаю!

Прошло еще пять минут.

— Все еще нет? — снова подал голос Ли Вэньсю.

Не дождавшись ответа, он прислонился к дверному косяку и с нескрываемой теплотой в голосе предложил:

— Хочешь, научу?

<http://bllate.org/book/19727/1985798>